

Шан Сижуй и Чэн Фэнтай провели в театре целых два часа. Чэн Фэнтай, с трудом понимая происходящее на сцене, постоянно перекусывал. Шан Сижуй же, казалось, был совершенно равнодушен, сидя в кресле со скрещёнными руками. Чэн Фэнтай, видя его отсутствие интереса, понял, что представление действительно не впечатляет.

— Может, вернёмся, господин Шан?

Шан Сижуй лениво ответил:

— Нельзя. На сцене стараются, а зрители вдруг уходят — это просто невежливо.

Сзади две дамы, услышав это, обернулись и бросили на них сердитые взгляды.

Далее шла заключительная часть — ария из оперы куньцзюй в женском амплуа. Чэн Фэнтай, как человек с юга, любил смотреть, как мужчины играют женские роли, и каждый раз искренне восхищался ими. Его вкус был настолько прост, что Шан Сижуй даже презирал его. Сейчас Чэн Фэнтай наслаждался изяществом и грацией актёра. Шан Сижуй же, сидя рядом, не выражал никакого восторга, лишь время от времени подпевал. Услышав его голос, Чэн Фэнтай решил, что тот согласен с его мнением, и спросил:

— Так это и есть тот самый Чжоу, которого мы ищем?

Шан Сижуй удивился:

— А? Разве это он? Вряд ли. Этот образ, эта фигура... больше похоже на пародию. Юань Сяоди вряд ли мог его выбрать...

Чэн Фэнтай притворился, что рассердился:

— Господин Шан, это слишком грубо!

Шан Сижуй в присутствии Чэн Фэнтая совершенно не следил за своими словами. Обычно он держал свои мысли при себе, чтобы не испортить отношения с коллегами. Но теперь рядом был человек, с которым он мог говорить обо всём, и Шан Сижуй с удовольствием критиковал, закончив свои замечания фразой:

— Говорят, что сейчас золотое время для театральных кругов, но это касается только пекинской оперы. В куньцзюй мало интересных исполнителей.

Сзади слуга, подававший чай, тихо рассмеялся. Шан Сижуй посмотрел на него. Слуга, положив под чайник белую салфетку, подошёл, чтобы долить воды, и сказал:

— Господин, эти слова уже произносил один важный человек.

Шан Сижуй улыбнулся:

— Кто же это?

Слуга лишь загадочно покачал головой. Шан Сижуй догадался, кто это мог быть, и спросил:

— Этот господин Чжоу на сцене... Он единственный Чжоу в труппе Юньси?

Слуга ответил:

— Точно так, господин. Он единственный. Вырос в труппе, выступает уже много лет.

Шан Сижуй разочарованно кивнул и замолчал. Слуга, собираясь уйти, перекинул полотенце через плечо, но Чэн Фэнтай остановил его:

— Скажите, а есть ли ещё кто-то по фамилии Чжоу? Как его зовут...

Шан Сижуй сразу же уловил мысль и добавил:

— Да. Малыш Чжоу. Есть ли здесь такой?

Слуга, казалось, был хорошо знаком с этим Малышом Чжоу, и в его голосе прозвучало пренебрежение:

— Эх, этот парень! Да, есть такой!

Шан Сижуй и Чэн Фэнтай обменялись взглядами, чувствуя, что нашли того, кого искали.

— А когда у Малыша Чжоу выступление?

Пренебрежение на лице слуги стало ещё заметнее:

— Да он уже давно не выступает! Ему бы только не попадаться под горячую руку!

В его словах сквозила какая-то тайна. Шан Сижуй, забыв о представлении, вскочил и схватил слугу:

— Веди меня к нему.

Слуга, уцепившись за перила, умолял:

— Не могу, господин! Это против правил! Глава труппы очень строгий!

Шан Сижуй отпустил слугу и сам направился вниз, торопясь:

— Тогда я пойду сам.

Чэн Фэнтай бесполезно крикнул ему вслед, чтобы он не спешил, но Шан Сижуй уже был далеко. Вздохнув, Чэн Фэнтай достал из бумажника купюру и сунул её слуге. Тот, прикрывая деньги рукой, смущённо улыбнулся, и Чэн Фэнтай, улыбнувшись в ответ, развернул его и толкнул вниз. Получив вознаграждение, слуга, спотыкаясь, побежал за Шан Сижую:

— Господин, позвольте мне вас проводить.

В это время все актёры были заняты представлением. Их жилой двор был большим, но беспорядочным и убогим, напоминая трущобы. На бамбуковых шестах висели яркие, мокрые сценические костюмы, а прямо под ними сушились солёные рыба и овощи. Четверо детей носились по двору, борясь за конфету. Шан Сижуй, идущий впереди, чуть не столкнулся с одним из них. Ребёнок, ударившись о него, разозлился и толкнул его, пытаясь убежать. Слуга, подскочив, схватил мальчика за воротник:

— Бегаешь, как будто на похоронах! Где этот Малыш Чжоу?!

Ребёнок, вырываясь, крикнул:

— Он сзади, стирает пелёнки! Воняет!

И убежал.

Слуга, подобострастно пригласил Чэн Фэнтая и Шан Сижую во внутренний двор. Шан Сижуй, не обращая внимания на окружение, шёл вперёд. Чэн Фэнтай же с любопытством оглядывался, словно попав в лабиринт. Банки с соленьями, эмалированные тазы, маленькие табуретки — всё было разбросано в хаотичном порядке, создавая ощущение, что под ногами можно споткнуться о что угодно. В воздухе витал запах старины и тесноты. На пути лежало кресло, в котором дремал старый кот. Когда Чэн Фэнтай проходил мимо, кот открыл свои золотистые глаза и бросил на них пронзительный взгляд. Чэн Фэнтаю показалось, что на него смотрит старик, и он почувствовал лёгкий озноб.

Пройдя через зал, они оказались в небольшом дворике. Там, на корточках, стоял оборванный подросток, усердно стиравший большую кучу белых тряпок. Рядом лежали ещё две корзины с уже выстиранными вещами. Шан Сижуй знал, что ни один младенец не мог нуждаться в таком количестве пелёнок, и нахмурился. Юань Сяоди и Дун Ханьлинь рекомендовали Малыша Чжоу как исполнителя женских ролей, и ни одна труппа не стала бы заставлять такого актёра выполнять тяжёлую работу, чтобы не испортить его фигуру и руки. Шан Сижуй не стал подозревать Сы Си'эра в злом умысле, но засомневался, действительно ли этот подросток — Малыш Чжоу. Он с недоверием посмотрел на слугу. Тот, поклонившись, попросил Шан Сижую подождать, а затем пнул корзину с грязными тряпками, брызги мыльной воды попали на ноги подростка, но тот даже не поднял головы.

— Вставай, вставай! Тебя пришли посмотреть важные гости! Не будь дураком!

Подросток продолжал стирать, бормоча:

— Зачем смотреть на меня? Ничего интересного. Брат, пожалуйста, не шутите. Если я не закончу работу, глава труппы снова меня побьёт.

— Я не шучу, вставай!

Слуга, не дав подростку сопротивляться, поднял его за руку. Когда рукав закатился, Чэн Фэнтай увидел на руке подростка синяки. Видимо, его действительно часто били.

Шан Сижуй долго смотрел на него, прежде чем спросить:

— Ты и есть Малыш Чжоу?

Подросток, опустив голову, тихо ответил:

— Да.

Неизвестно, было ли это застенчивостью или равнодушием. Чэн Фэнтай, с его богатым видом, и Шан Сижуй, такой изысканный, явно смутили подростка, который, вероятно, никогда не видел таких людей.

Шан Сижуй снова спросил:

— Ты актёр?

Услышав этот вопрос, Малыш Чжоу закусил губу, прежде чем ответить. Казалось, признавать себя актёром было для него тяжело. Но когда он наконец заговорил, его голос звучал твёрдо:

— Да. Я исполняю женские роли.

Шан Сижуй кивнул:

— Меня рекомендовали посмотреть твоё выступление. Когда ты выступаешь?

Малыш Чжоу поднял лицо, и Шан Сижуй смог рассмотреть его. Как и все исполнители женских ролей, он имел изящные черты лица с лёгкой печалью. Он не был красавцем, но среди парней выделялся. Их взгляды встретились, и в этот момент между ними возникло какое-то понимание, недоступное посторонним.

Малыш Чжоу снова опустил голову и с грустью сказал:

— Меня никогда не ставят на выступления...

Шан Сижуй почувствовал жалость, но ничего не мог сделать, и лишь печально смотрел на него.

— Возможно... возможно, в следующем месяце меня поставят.

Шан Сижуй с удивлением воскликнул:

— В труппе Юньси не так много людей. Почему так долго?

Мальш Чжоу молчал, его вид выражал страдание и слабость.

Шан Сижуй вздохнул и улыбнулся:

— Хорошо. Когда тебя поставят, пришлите кого-нибудь ко мне в переулок Бэйлогу, дом 31. Меня зовут Шан.

<http://bllate.org/book/15435/1368606>